

**МОДЕРНИЗМ КАК ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ
СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ МЫСЛИ.
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС. СТАТЬЯ ВТОРАЯ**

В статье прослежено, как при изменении методологического формата в литературоведческом дискурсе до 90-х годов прошлого века решалась проблема концептуализации и категоризации феномена русского модернизма.

Ключевые слова: *литературный модернизм, методологический формат, реализмоцентристская методология, структуралистская методология.*

В статті прослідковано, як при зміні методологічного формату в літературознавчому дискурсі до 90-х років минулого століття вирішувалася проблема концептуалізації та категоризації феномену російського модернізму.

Ключові слова: *літературний модернізм, методологічний формат, реалізоцентристська методологія, структуралістська методологія.*

In this article it was analysed how during the change of the methodological format of the literary discourse in the 90-ies, the problem of conceptualization and categorization of the phenomenon which is Russian modernism was solved.

Key words: *literary modernism, methodological format, realism-centric methodology, structuralist methodology.*

Научные пути концептуализации феномена модернизма в литературоведении XX столетия очень разные.

До 90-х годов прошлого века литературоведческий дискурс не характеризовался активностью разработки *понятия модернизм* в качестве типологической категории. В контексте методологических баталий социалистической эпохи эта номинация очень обобщённо маркировала «идеологически чуждую» советскому человеку западную литературу и искусство. Обратим внимание, например, на название монографии О. В. Лармина «Модернизм против человека и человечности» [6], что делает очевидным идеологическую «ангажированность» автора.

Однако еще в начале XX века критика, рассматривая «новые» явления литературы порубежья, оперировала понятием «литературный модернизм», констатируя не только его идеологическую направленность, но и отдельные особенности

поэтики. Показательна в этом вопросе первая коллективная монография о новых явлениях в русской литературе начала XX века, вышедшая под редакцией профессора С. А. Венгерова. Большинство статей написаны поэтами-модернистами [9, 22]. Этот факт говорит о том, что научное литературоведение еще не было готово к концептуализации феномена литературного модернизма. Такую первичную работу в рамках литературно-критического дискурса взяли на себя сами поэты-модернисты. Они выступали в качестве субъектов и объектов процесса модернизации литературы, являясь организаторами объединений, в рамках которых отрабатывались эстетические декларации символистского, акмеистского и футуристского направлений. В формате литературно-критического дискурса и был намечен направленный приоритет в **типологизации русского литературного модернизма**, какой остался доминирующим во многих исследовательских работах XX века.

По мнению З. Г. Минц, начало XX века характеризовалось «нечетким представлением о «модернизме»» [8, 14]. И это закономерно для начальной стадии литературоведческой и литературно-критической рефлексии проблемы модернизма. Но сегодня очевидно и другое: в этот период намечались линии концептуализации и категоризации литературного модернизма, какие оказались актуальными и в литературоведении конца XX — начала XXI веков. В начале же XX века они не получили еще системного выражения, однако был задан определенный вектор типологического обоснования, охватывающий область поэтическую и ментальную. В критический и литературоведческий дискурс этого времени введен понятийный ряд, на типологическом потенциале которого сосредоточивают свое внимание в большей степени уже современные исследователи феномена модернизма. Речь идет о таких категориях, как *литературное сознание, лирический герой, автор, образ автора, стиль мышления и др.*

Один из принципов литературоведческого дискурса первых историков модернизма (С. А. Венгерова, В. М. Жирмунского, Б. М. Эйхенбаума, В. Виноградова, Ю. Тынянова и др.) — от частного к общему. В 10-е и 20-е годы он был закономерен для начальной аналитики явления. Объектом их изучения стано-

вились частные по отношению к общекультурному и литературному феномену модернизма практики адептов символизма, акмеизма и футуризма. Проблему преемственности, отдельные признаки отличия эстетических программ, стиля и методов этих направлений, концептуально и дискурсивно значимо для всего последующего литературоведения начали разрабатывать эти исследователи. Здесь, например, была намечена и научная полемика (концепция акмеизма в работах В. М. Жирмунского и Б. М. Эйхенбаума как практики преодоления или развития традиций символизма), какую, с точки зрения современного видения этой проблематики, можно отнести к разряду конфликта интерпретаций.

Но при этом литературно-критическая и литературоведческая научная идентификация качественно новых литературных явлений на рубеже XIX–XX веков характеризовалась значительной понятийно-терминологической неоднозначностью. В работах отдельных представителей европейской и русской критики, направленных на акцентирование в первую очередь *идеологической составляющей модернистского искусства*, наметилась тенденция к его *номинации как декаданса*. Она устойчиво закрепилась в советском литературоведении почти до конца прошлого века, а при рассмотрении литературного процесса конца XIX–начала XX веков реалистическому направлению противопоставлялись декадентские течения, в чем убеждаемся при изучении многих учебников и монографических исследований о русской литературе данного порубежья, написанных до 90-х годов прошлого столетия [2, 3, 14] и др. В литературоведческом дискурсе тех лет понятия «модернизм» и «декаданс» часто использовались как синонимы.

В учебнике А. А. Волкова и Л. А. Смирновой, где дана «общая характеристика антиреалистических течений», уже сделано заключение: «Русский модернизм начала XX века — явление гораздо более сложное и значительное. Его ряды не были однородными... факт принадлежности к определенному модернистскому течению выражал суть их творчества» [3, 261]. Этим кратким обобщением в книге ограничивается типологическая характеристика модернизма, направления которого при

непосредственном анализе рассматривались еще в «антиреалистической» опции.

Конечно же на фоне реализмоцентристской методологии советского литературоведения системных типологических исследований русского модернизма и быть не могло. Но в это же время о творчестве отдельных поэтов-модернистов, так или иначе выражавших свои симпатии советскому режиму (В. Брюсове, А. Блоке, В. Маяковском, С. Есенине), были написаны работы, значимые как обобщающей фактографией, так и показательным для своего времени уровнем профессиональной филологической аналитики, в которой, на фоне преобладающего проблемно-тематического анализа творчества, намечались и линии поэтикального рассмотрения художественного наследия писателей.

Как правило, методология исследований советского времени не характеризовались многообразием, в отличие от поисковых методологических стратегий зарубежной русистики. В литературном процессе конца XIX — начала XX веков их особо привлекал пласт творчества модернистов, изучение которого разворачивалось в многообразии оценочных опций. Закономерно, что эту работу первоначально вели русские эмигранты, и нацелена она была на аналитику индивидуальных художественных систем русских поэтов рубежа веков. В числе первых зарубежных популяризаторов и историков литературы был Д. П. Святополк-Мирский (1890—1939). Уже из названия его книги («История русской литературы с древнейших времен по 1925 год») очевидно, что и творчеству русских поэтов-модернистов дана типологическая оценка [11]. Критерии и принципы ее часто грешат субъективизмом, подводя дискурс филологического исследования к грани эссеистики, но в целом, что постоянно подчеркивает и Д. П. Святополк-Мирский, он сосредоточен на художественно-эстетических показателях творчества рассматриваемых писателей. Система этих показателей достаточно произвольна, но очевидно, что автора отличает интерес к контекстуальному рассмотрению литературного явления с учетом культурной динамики каждой эпохи, мастерство макро- и микроанализа литературных феноменов.

Принцип периодизации Святополка-Мирского в определенной степени соответствует традиционному описанию русской литературы в контексте смены художественных направлений и стилей (классицизм, романтизм, реализм, символизм). Но у автора есть и свой ценностный критерий, который он определяет как область «поэтического», в соответствии с чем констатирует свои «литературные и эстетические пристрастия» [11, 456]. Закономерно, что в написанной им книге особо акцентируется модернистское новаторство литературы конца XIX — начала XX веков. Этот период он называет «вторым золотым веком» [11, 659]. В центре внимания критика — «главные фигуры «модернистского» движения». Номинируя движение как «модернистское», Святополк-Мирский не уточняет терминологический статус понятия, но оно функционирует в его дискурсе как *термин типологического ряда*: актуализированное автором семантическое поле понятия «модернистское движение» охватывает область идеологическую, общекультурную, художественно-эстетическую и ментальную.

В целом, в зарубежном литературоведении типологические подходы к литературному процессу в России конца XIX—начала XX веков, как и типологические характеристики творчества поэтов-модернистов, разрабатывались очень медленно.

Так в книге Вл. Маркова — выпускника ЛГУ 30-х годов, профессора славистики Калифорнийского университета, «О свободе слова в поэзии», составленной из статей 1954—80-х гг., типология русских поэтов проведена по показателю «поэтической свободы творца — свободы идейной (содержательной) и формальной (художественной)», т. е. «свободы поэта внутри своей поэзии» (первая статья книги «О свободе в поэзии»). Основу книги составили статьи о поэтах Серебряного века. Например, «свобода Михаила Кузмина» — это «свобода непринужденности»: «редко у какого поэта техника так вся на виду и одновременно так незаметна. Его рифмы богаты, но просты» [7, 42].

Принципиально новым взглядом на феномен литературного декаданса Вл. Марков развивает в статье «К вопросу о границах декаданса...». Термин «декаданс» употребляется в значении, расширяющем его традиционные социально-

идеологизированные коннотации. «Общей базой», на которой формировался и существовал русский декаданс, в статье определён *урбанистический уклад жизни, новое состояние сознания*, тем самым автор программирует возможную аналитику вопроса в методологической системе, ставшей актуальной только в начале третьего тысячелетия: имеем в виду культурологическую и когнитивно-эстетическую аргументацию. Размышляя же о границах декаданса в русской литературе, Вл. Марков выдвигает перспективную научную гипотезу: «...явление, возникшее в России в начале 1890-х гг. под названием «декадентства», было и глубже, чем кажется, и не таким кратковременным, как думают. Его черты можно наблюдать в 1924 г., а если приглядеться, то и позже» [7, 53], т. е. границы данного явления связываются не только с историей литературных группировок, литературными направлениями России конца XIX — начала XX веков, а с показателями литературного сознания эпохи, в котором доминировал трагический пафос.

В системе структуралистской аргументации свою версию типологического измерения русского модернизма представил американский (поляк по происхождению) русист Х. Баран в книге «Поэтика русской литературы начала XX века» статьёй «К типологии русского модернизма: Иванов, Ремизов, Хлебников» [1]. Автор статьи констатирует, что писатели, изначально близкие по своему отношению к фольклору, в творческой самореализации все же руководствовались направленческими принципами, представляя в данном случае три типологические модели русского модернизма. Аргументом для исследователя становится поэтика произведений В. Иванова, А. Ремизова и В. Хлебникова, парадигмально отвечающая разным направлениям модернизма.

В силу фактографической недостаточности (большинство архивов осталось в России), западное литературоведение в первую очередь обращалось к показателям поэтики творчества и микропоэтики произведений отдельных русских писателей-модернистов. Этот научный опыт формировался и обобщался через апробацию разных литературоведческих методологий и методик XX века. Западная русистика по проблематике Серебряного

века в целом характеризуется масштабностью исследовательских практик, заложивших продуктивные традиции рядом научных школ. В аспекте типологического метода перспективными для русистики стали разработки школы Кирилла Тарановского, славистов загребской школы Александра Флакера, венгерской школы Лены Силарт, австрийской А. Хансена-Леве и др.

Знаковым для всего европейского литературоведения можно считать и коллективный опыт исследования русской литературы Серебряного века, представленный в конце 80-х годов прошлого столетия сначала на французском, а затем и на русском языках [5].

В предисловии к русскоязычному изданию этой фундаментальной работы отмечено: «Впервые русский литературный процесс ... воссоздается вне каких-либо идеологических схем, в его целостности, сохранив при этом подлинную дифференциацию, не имеющую ничего общего с той, которую навязывала партийно-государственная идеология» [5, 6].

Книга включает работы европейских русистов, представляющих разные научные школы, но при этом всех их отличает интерес к широкому фактографическому материалу культурной и литературной жизни эпохи: литература рассматривалась в контексте других видов искусства порубежья. Именно эта книга, в которой впервые системно обращено внимание на *фактор культурного пространства эпохи*, иллюстрировала новые методологические приоритеты и перспективы исследования литературы *переходной культурной ситуации*, когда индивидуально-творческая и общекультурная парадигма ценностей эпохи формируются в системе характерной взаимовоспроизводящей корреляции. Сегодня можно заключить: эта коллективная монография стала первым опытом обращения литературоведения к *культурологическому подходу* при изучении такой сложной литературной эпохи, как Серебряный век.

Авторам книги удалось доказать, что между писателями реалистами и модернистами не было той демаркационной зоны, какая в системе идеологических и проблемно-тематических показателей творчества очерчивалась советским литературоведением. Тем самым вырабатывалась новая научная установка

на переосмысление места и роли представителей модернистского движения в литературе порубежья. Скрупулёзный контекстуальный и поэтологический анализ позволил исследователям сделать неожиданные выводы: например, творчество А. П. Чехова не столько оппозиционно модернистской аксиологии, сколько соотносимо с ней в отдельных позициях [17, 48–72].

В целом, филологический дискурс книги был задан во многом новой даже для западной русистики системой аргументации и категоризации. Анализ статей об отдельных деятелях эпохи строился на контекстуальном, культурологическом и интертекстуальном методах, или обращением к психоаналитической аргументации (статья об А. Блоке).

Однако методологический плюрализм и разновекторность литературоведческих подходов обусловили определенную научную панорамность книги, нерешённость проблемы общего категориального ряда при типологических характеристиках. Вместе с тем широкая культурно-художественная фактография данного исследования, глубокая филологическая аналитичность отдельных ее статей позволяют читателю сформировать некое целостное представление о ценностных приоритетах культурного и, в частности, литературного сознания эпохи порубежья.

В России и на Украине 80–90-е годы прошлого века знаменовались постепенным отказом научной мысли от реализмострической концепции литературного процесса вообще и конца XIX — начала XX — в частности, и, соответственно, новыми подходами к художественному наследию русских писателей-модернистов. При этом можно констатировать, что *и методология таких исследований претерпевала значительные изменения. Хотя типологический ряд в литературном процессе по-прежнему выделялся по факту причастности писателей к литературному объединению, а именно: символистам, акмеистам и футуристам.* Историко-литературоведческие работы этого времени характеризовалась еще этапом фактографического открытия и первичной систематизации литературной и литературно-критической деятельности поэтов-модернистов.

Вместе с тем очевидно: методологический вектор перспективных исследований русского модернизма в эти годы задавал-

ся и новыми подходами к творчеству представителей основных модернистских направлений.

И здесь в первую очередь должна быть названа тартуско-московская литературоведческая школа, разработки которой до 90-х годов XX века не получали поддержки академического литературоведения и потому носили локальный характер. Именно в контексте методов этой школы *Зарой Григорьевной Минц* с 70-х по 90-е годы прочитано наследие А. Блока и ряда русских символистов, сформирована авторская концепция русского литературного символизма как явления динамического, в описание которого включались и показатели типологического порядка.

О значении блоковедческих работ З. Г. Минц в конце 90-х писал Владимир Топоров: «Для изучения А. Блока З. Г. успела сделать поразительно много, и именно ее исследования, как и работы ее учителя, Д. Е. Максимова, которому З. Г. была преданна, образуют лучшую часть блоковедения последних десятилетий и определяют ее современный уровень» [18, 8].

Первоначально блоковедческие исследования З. Г. Минц выполнялись в рамках традиционной культурно-исторической методологии, с акцентированием фактографического и комментаторского компонентов, установлением историко-литературных аналогий. К ним относятся статьи, раскрывающие связь творческого сознания и художественных текстов А. Блока с наследием классиков русской литературы.

В более поздних работах рассмотрены структуры блоковских текстов, проанализирована их символика, апробирована методика культурологического анализа литературы. Эти исследования проведены в соответствии с теоретическими положениями, намеченными Ю. М. Лотманом в «Лекциях по структуральной поэтике» и в последовавших за ними трудах.

Прекрасное знание историко-литературного контекста литературного процесса конца XIX — начала XX веков, поэтики отдельных стихотворений и циклов символистов позволило З. Г. Минц выдвинуть концепцию *эволюции русского символизма (постановка вопроса в статье 1981 г.)* и в дальнейшем проследить ее с учетом изменяющихся форм «панэстетической» модели мира писателей. В 1986 году это решение было

представлено в статье «Об эволюции русского символизма» [8, 7–24].

В своих исследованиях З. Г. Минц первая поставила под сомнение «традиционный метаязык научного описания символизма, который восходит к символистской и околосимволистской критике», подчеркивая необходимость «рассмотреть проблему с внешней по отношению к этому течению точки зрения» [8, 7]. Она отметила, что среди западных исследователей проблемы эволюции русского символизма по методу и концепции ей близка позиция А. Ханзена-Леве, высказанная в диссертации «Русский символизм», где он «присоединяется» к выдвинутой ею ранее концепции трехэтапной эволюции направления и обозначает этапы динамики как «Символизм I («дьяволический символизм»)» → «Символизм II («мифопоэтический символизм»)» → «Символизм III («гротескно-карнавализирующий символизм»)» [19].

С точки зрения З. Г. Минц, «концепция А. Ханзена-Леве и иллюстрирующая ее схема обладают рядом исключительно важных достоинств. Во-первых, она представляет абстрагирование, в первую очередь, основных свойств *имплицитной* поэтики символизма — структуры символистских текстов, то есть имеет в виду изучение *художественного* языка символизма и его *художественных* подъязыков (субкодов) в их эволюционной смене. Однако концепция А. Ханзена-Леве... построена на основании (исключительно корректного!) описания *только* поэтики и *только* стихотворных (исключение — «симфонии» Андрея Белого) текстов русского символизма, причем рассмотренных *только* на уровне «мотивно-символическом» и *только* в аспекте парадигматики...» [8, 10].

В основу подхода З. Г. Минц к проблеме эволюции символизма положено представление о возможности построения некоторой «системы, рассматриваемой как язык направления... а также выделены ее такие подсистемы (подъязыки, субкоды), смена которых во времени даст картину эволюции» [8, 11]. В контексте приоритетов современных гуманитарных исследовательских практик работы З. Г. Минц значимы для нас и тем, что при типологическом анализе символизма как динами-

ческой системы, включающей ряд подсистем, ракурс научной мотивации исследователя не ограничивался уровнем структуры текстов, а учитывал и показатели ментального порядка: «пан-эстетическое» мировосприятие писателей, их «эстетические утопии», эстетические ценности, «центробежные» и «центростремительные» устремления и др. [8, 15–21].

В контексте той же структурно-семиотической методологии параллельно с З. Г. Минц проводил свои филологические разработки Игорь Смирнов. При типологическом анализе творчества русских поэтов-модернистов он включал в оценочное поле явления символизма и постсимволизма [12]. В предисловии ко второму изданию данной работы в новой редакционной версии автор подтвердил стремление «концептуализировать историю культуры (на примере перехода русской поэзии от символизма к постсимволизму) в терминах семиотики» [13, 8]. Однако он констатировал, что не замыкался в показателях отношений поэтических знаков и их значений, а выходил и на «уровень универсальных правил порождения словесно-художественного дискурса» [13, 10], тем самым прокладывая пути в направлении постструктуралистских исследовательских практик. На фоне преобладающего в тартуско-московской школе филологов-семиотов синхронического подхода И. Смирнов отметил научную актуальность и диахронического охвата творчества модернистов.

В начале 90-х годов прошлого века новую линию типологического исследования русского модернизма разрабатывал В. А. Сарычев. Ориентируясь на традиции направленного подхода, он обратился к области эстетики русского модернизма, рассмотренной в системе показателей двух наиболее ярких «разновидностей» направлений: младосимволизма и кубофутуризма. Автор систематизировал их философские истоки, проанализировав эволюцию *эстетических концепций* А. Белого и В. Иванова, констатировал «сложность и неоднородность кубофутуризма, в границах которого развивалось творчество таких различных по своим эстетическим устремлениям художников, как Д. Бурлюк, А. Крученых, с одной стороны, и В. Каменский, Е. Гуро, В. Хлебников — с другой» [10, 2].

Обобщая, отметим, что в начале 90-х годов понятие «модернизм» постепенно входит в филологический дискурс ряда исследователей, обращённых к литературному процессу конца XIX — начала XX веков. Но его функционирование в качестве типологического термина усложнялось слабой разработанностью адекватных новой научной ситуации теоретико-методологических подходов к вопросу, что не позволяло конкретизировать концептуально-семантического поля понятия «модернизм» и в историко-литературном дискурсе. В 90-е годы же освобождение от реализмоцентристских подходов к литературному модернизму, который начал осознаваться как «объективное явление историко-литературного процесса» [4, 3], и очевидная на этом фоне научная популяризация достаточно частного, но очень продуктивного опыта предшественников по проблеме изучения творчества поэтов-модернистов (что прослежено нами выше), знаменовали новый формат литературоведческой аналитики вопроса. Этому будет посвящена следующая статья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века: Сборник / Авториз. пер. с англ. Х. Баран. — М. : Издательская группа «Прогресс» — «Универс», 1993. — 368 с.
2. Волков А. А. Очерки русской литературы конца XIX — начала XX веков / А. А. Волков. — М. : Художественная литература. 1955. — 564 с.
3. Волков А. А., Смирнова Л. А. История русской литературы XX века. Дооктябрьский период. — Изд. 6-е, переработ. и допол. — М. : Просвещение. 1977. — 384 с.
4. Гундорова Т. Ранній український модернізм: до проблеми естетичної свідомості / Т. І. Гундорова // Радянське літературознавство. — 1989. — № 12. — С. 3–7.
5. История русской литературы: XX век: Серебряный век / Под. ред. Жоржа Нива, Ильи Сермана, Витторио Страда и Ефима Эткинда. — М. : Издательская группа «Прогресс» — «Литера», 1995. — 704 с.
6. Лармин О. В. Модернизм против человека и человечности / О. В. Лармин. — М.: Советский художник. 1965. — 159 с.
7. Марков В. Ф. О свободе в поэзии: статьи, эссе, разное / В. Ф. Марков; Авт. предисл. Ю. Линник, сост. Е. Белодубровский. — СПб. : Изд-во Чернышева, 1994. — 367 с.

8. Минц З. Г. Об эволюции русского символизма. (К постановке вопроса: тезисы) / З. Г. Минц. // Ученые записки Тартуского государственного университета. — Вып. 735. А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века. Блоковский сборник VII. — Тарту, 1986. — С. 7–24.
9. Русская литература XX века (1890–1910) : в 2 кн. / Под. ред. проф. С. А. Венгерова. — М. : Издательский дом «XXI век — Согласие», 2000. — Кн. 1.— 512 с., 16 с. ил.
10. Сарычев В. А. Эстетика русского модернизма: Проблема «жизнетворчества» / В. А. Сарычев. — Воронеж : Изд-во Воронежск. ун-та, 1991. — 320 с.
11. Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времен по 1825 год / Д. П. Святополк-Мирский. — Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2009. — 872 с.
12. Смирнов И. П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем / И. П. Смирнов. — М. : Наука, 1977. — 203 с.
13. Смирнов И. П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем / И. П. Смирнов. // Смирнов И. П. Смысл как таковой. — СПб. : Академический проект, 2001. — С. 5–222.
14. Смирнова Л. А. Проблемы реализма в русской прозе начала XX века / Л. А. Смирнова. — М. : Просвещение, 1977. — 208 с.
15. Соколов А. Г. История русской литературы конца XIX — начала XX веков / А. Г. Соколов. — М. : Высшая школа, 1979. — 399 с.
16. Страда В. Литература конца XIX века (1890–1900) / В. Страда // История русской литературы: XX век: Серебряный век / Под. ред. Жоржа Нива, Ильи Сермана, Витторио Страда и Ефима Эткинда. — М. : Изд. группа «Прогресс» — «Литера», 1995. — С. 11–48.
17. Страда В. Антон Чехов / В. Страда // История русской литературы: XX век: Серебряный век / Под. ред. Жоржа Нива, Ильи Сермана, Витторио Страда и Ефима Эткинда. — М. : Издательская группа «Прогресс» — «Литера», 1995. — С. 48–72.
18. Топоров В. Верность пути. К научному наследию З. Г. Минц / В. Топоров // З. Г. Минц Поэтика Александра Блока. — СПб. : «Искусство-СПб», 1999. — С. 7–10.
19. Ханзен-Леве А. Русский символизм: Система поэтических мотивов. Ранний символизм / А. Ханзен-Леве. — СПб. : «Академический проект», 1999. — 512 с. (Серия «Современная западная русистика», т. 20).